

Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ родился в 1940 году в городе Кременчуг Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета имени И. Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Автор семи книг, лауреат Артиады народов России, главный редактор международного литературного альманаха «Муза».

НОСТАЛЬГИЯ

На Говардовской,
Той, что спускалась к Днепру,
В тихой заводи улицы Витте —
Вот истоки того, что так близко перу,
Хоть и карты судьбы моей биты.

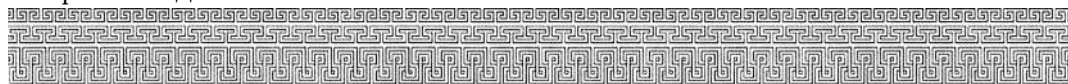
...А потом,
После памятных шляхов моих,
Тихих мест празаветного детства,
Сорок лет

я вбирал
сокровенное

в стих —

Те края, как алмазы наследства.

Сорок лет...
Это не был поставленный крест
На дальнейших свиданьях с Херсоном,

Только образ
душой
не покинутых мест
Я в Москве ощущаю весомо.

Словно ссылку из мест моих памятных дней,
Отчужденье от их восприятий
Всю дальнейшую суть,
Где бывшее полней,
Предстаёт на прощальном закате.

...Вот глубинный,
над пыльными вихрями,
свод.

И пронизана ими, увита
Тишина,
Где скрипенье убогих подвод
Вдоль Говардовской — к улице Витте.

К финским домикам — тем, что вершили Херсон,
Где за ними — глухой жилпосёлок.
Скрип подвод, он порою врезается в сон,
Болевой, он как будто бы колок...

И пускай наши дни всеобъял Интернет,
Скорость их с ним стремительно слита, —
По Говардовской
вверх —
достопамятный след
К тихой заводи улицы Витте...

ДНЕПРОВСКОЕ РЕТРО

...Сражённая пылью, закрученной ветром,
Упала на градус шальная жара.
О, юности дальней днепровское ретро,
Ты вновь оживаешь под скрипом пера.

По спускам к Днепру с раскалённой Забалки
Я снова, как в юности, еле бреду.
Жара всеохватна. К ней нету закалки.
Мне легче в мороз пробираться по льду.

И в душном, безликом, сухом, внеозонном
Застыли пред памятным взором извне
И пыльные бури над белым Херсоном,
И пляж островной на другой стороне.

А я всё иду, проплываю рекою,
А буря всё крутит песчаную прядь...
О, боже... Глаза прикрываю рукою —
Их вихрем песка застигает опять.

МИР ПЛАВНЕЙ

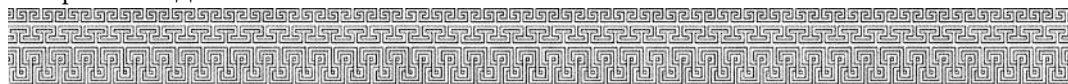
...А в плавнях камыши
Как будто крыты лаком.
Мне любо в той тиши
С полночным полумраком.

О, стимул для пера —
Мир плавней у Херсона!
Гладь полного Днепра
Черна. Устала. Сонна.

И странен жёлтый строй
Стеблей, застывших стоя.
А воздух — с теплотой
Предлетнего застоя.

И вял, и грустен плеск,
И борт у яхты ходок,
И бледен лунный блеск
Пустых соседних лодок.

Вот так: любовь к Днепру
В глухой ночи херсонской.
...А ночь ползёт к утру,
К рассветной лени солнца.

И я на днище лёг
В тени стеблей примятых...
Украина. Мой порог.
Конец пятидесятих.

* * *

В насыщенную среду ассоциаций...

К. Паустовский

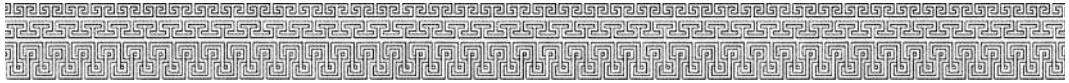
В насыщенной среде ассоциаций,
Где юных лет заветные места,
Вдохну я снова аромат акаций,
Пройду у пирса около моста.

Спущусь к Днепру Торговым переулком,
Переплыву на катере на пляж.
Скрипят борта, гудки взывают гулко,
Песок и зыбь — как сказочный мираж.

Они со мною: лишь прикрою веки —
Пред взором снова
Детство и Херсон,
И бродит юность в отошедшем веке,
И груз годов пока что невесом.

О, дальний опыт двух семей столичных,
О, стылость поздней жизни холостой,
Пока вас нет,
Я весь во днях тепличных,
Где южных трав лекарственный настой.

И всё же...
Мыслей под пером капризным —
Калейдоскоп в насыщенной среде!
В ней было счастье. Было горе тризны.
Привычен путь к негаданной беде.

Увы, не стало папы, мамы, Аллы,
Пополнил прах насыщенность среды,
И память гложут горькие обвалы
И кладбища с засильем лебеды.

И к жизни тяжкой
Горы иллюстраций,
Летающих дней отравленный настой, —
Вот суть среды моих ассоциаций,
По мере лет и грозной, и густой.

* * *

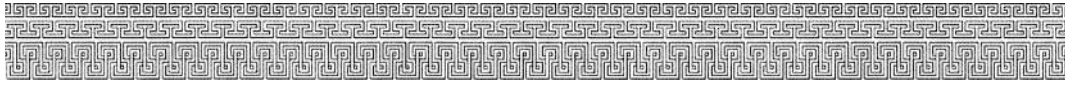
...А я пишу на Щёлковской,
Бурлив и крепок стих.
Ещё в грядущем колкости
Завистников моих;

И сплетни их досужие,
И властный оговор, —
Перо моё натружено
Им всем наперекор.

И всё ж, вполне негаданно —
Всего могло не стать —
Взыграла канонадою
Завистливая рать.

Ростки глубинной завязи
Рождали произвол.

Но средства против зависти
Никто не произвёл.

Так —

хваткою завзятою —

К успехам за грядой!

Пока семидесятые,

Пока я молодой.

Крутой порог Гольянова,

Огонь в шальной груди.

Надежда — та не вянула,

Напасти — впереди.